

Он незаметно бросил взгляд на Шэнь Цзинцина.

Шэнь Цзинцину было неловко от того, что он оказался в центре всеобщего внимания.

— С такими делами спешить нельзя...

Линь Юй и Шэнь Цзиньхуа одновременно заговорили, пытаясь разрядить обстановку. Лицо Шэнь Цзиньхуа было мрачным:

— Здоровье Цзинцина только начало восстанавливаться, не стоит его принуждать. К тому же я вполне могу оплатить этот небольшой штраф.

Он не стал упоминать об императорских экзаменах, но его искреннее недовольство тем, что староста считает Шэнь Цзинцина обузой для семьи, было очевидным.

Оба присутствующих гэра с удивлением посмотрели на Шэнь Цзиньхуа. Линь А-шу открыл рот, чтобы что-то сказать, но промолчал. Староста с глухим стуком поставил кувшин с вином на стол. Только маленький внук старосты, не поднимая головы, усердно работал палочками, впиваясь в еду.

Этот маленький комочек...

— Мы подумаем, обязательно подумаем. Спасибо всем за беспокойство, — произнёс Шэнь Цзинцин, стараясь звучать легко. — Но сегодня мы собрались прежде всего для того, чтобы от всей души поблагодарить вас за заботу и помощь в эти дни. — Он перевёл взгляд на Линь Юя. — Особенно тебя, брат Линь. Твою услугу по спасению моей жизни я не забуду никогда. Позволь мне выпить за твоё здоровье.

Шэнь Цзинцин поднял чарку вместе с Линь Юем, а затем перекинулся несколькими ничего не значащими фразами с Линь А-шу и другими гэрами, ловко переводя тему разговора.

Линь Юй слегка прикусил губу и ответил ему взаимностью, выпив свою чарку:

— Оставить человека в беде недостойно благородного мужа. Тебе не стоит постоянно держать это в голове.

Увидев это, Шэнь Цзинцин тут же наполнил чарки снова.

Заметив его настойчивость, Линь Юй больше не стал поднимать тосты.

Если гэр достигает брачного возраста и не женится, это влечёт за собой не только тяжёлые

штрафы, но и негативно сказывается на карьере учёных мужей из его семьи. Более того, это портит репутацию старосты и бросает тень на всю деревню. Слова Шэнь Цзиньхуа явно не понравились старосте, но Шэнь Цзинцин не мог допустить, чтобы у старосты возникла неприязнь к его брату. Поэтому он использовал вино как повод смягчить атмосферу и отвлечь внимание.

К тому же сегодняшняя трапеза действительно была благодарственным ужином для Линь Юя и остальных. Искреннее желание отблагодарить сочеталось с практической целью, он хотел укрепить добрососедские отношения. В такой момент было бы неразумно позволять напряжению повиснуть в воздухе.

Шэнь Цзинцин пил слишком быстро, и несколько капель вина попали ему на уголки губ. Линь Юй, заметив это, внимательно протянул ему чистый платок.

Шэнь Цзинцин вскинул бровь, глядя на него.

Казалось, хмель ударил ему в голову: уголки его глаз и брови покраснели, придавая лицу особенную выразительность.

Пальцы Линь Юя, сжимавшие платок, слегка дрогнули.

Старший Лю, наблюдавший за их взаимодействием, нахмурился, словно желая что-то сказать.

— Братец Цин...

В этот момент Шэнь Цзиньхуа, казалось, вдруг заметил происходящее за столом. Он тоже изрядно опьянел. Внезапно он подлетел к ним, схватил Линь Юя, настаивая на совместной выпивке, и заодно потащил за компанию старшего Лю.

У старшего Лю была слабая устойчивость к алкоголю, но, уважая просьбу Шэнь Цзиньхуа, он через силу выпил несколько чарок.

Только сейчас Линь Юй окончательно осознал ситуацию: то, что он дал Шэнь Цзинцину свой личный платок, было крайне неуместным жестом.

Шэнь Цзинцин наблюдал, как тот убирает платок обратно, затем высунул кончик языка и слизнул оставшиеся на губах капли вина.

Розовый язычок мелькнул на мгновение, и в воздухе повисло невысказанное, тягучее напряжение. Те, кто имел глаза, заметили эту двусмысленность, но сам виновник торжества, казалось, ничего не подозревал.

Сидевший рядом Мяо-гэр, увлечённо грызя свиные рёбрышки, вдруг с восхищением воскликнул:

— Братец Цин, ты готовишь просто великолепно! Если бы я был парнем, я бы женился на тебе и был бы самым счастливым человеком на свете!

— Что за чушь ты несёшь? — со смехом отчитал его Шэнь Цзиньхуа.

Старший Лю, которого наконец-то оставили в покое, услышав эти слова, заметно смутился. Его лицо залилось краской, и он, несмотря на внутреннее волнение, не решился заговорить с Шэнь Цзинцином.

А вот его младший брат, Мяо-гэр, действительно обожал блюда Шэнь Цзинцина и сыпал комплиментами его кулинарным навыкам один за другим.

Мяо-гэр из семьи старосты отличался более серьёзным и вдумчивым нравом. Хотя еда ему тоже нравилась, он не поддерживал болтовню соседа, а молча ел, изредка бросая взгляды на Шэнь Цзиньхуа. Зато его младший брат, Ван Цин, казалось, полностью разделял восторги Мяо-гэра.

«Я ведь парень, я могу жениться на братце Цине!»

Но Шэнь Цзиньхуа был его учителем, и вслух произнести такую дерзость он не осмеливался. Сдерживая эмоции, он с усилием проглотил ещё кусок ребрышка.

Ему было всего восемь лет. Мяо-гэр строго пресёк его попытки набить желудок до отвала: он положил ему в чашку немного куриного бульона и запретил есть дальше.

Ван Цин расстроился ещё сильнее. Он не может жениться на младшем брате учителя, а старший брат ещё и еды лишает!

За всё время он съел лишь одну лепёшку с начинкой, маленькую чашку клейкого риса, половину ребрышка и вот эту крошечную порцию бульона!

Детская натура брала своё: даже несмотря на то, что живот уже округлился от сытости, он чувствовал себя глубоко обиженным из-за запрета старшего брата.

Шэнь Цзинцин заметил его состояние, потрепал мальчика по пушистой голове.

— Мы живём по соседству. Если тебе правда нравится, приходи ко мне в свободное время, я научу тебя готовить. — успокоил он — Научись все делать сам и сможешь есть любимые блюда когда угодно.

Мяо-гэр обрадовался так, что чуть не подпрыгнул:

— Правда? Я приду уже завтра!

Услышав фразу «когда угодно», Ван Цин тоже тут же поднял руку:

— Я, я, я! Я тоже хочу учиться! Завтра я не пойду в частную школу!

Едва предыдущий инцидент был исчерпан, дядюшка Чжан, угощая старосту вином, наконец довёл того до благодушного состояния. Староста, находясь в приятном подпитии, вдруг услышал эту выходку сорванца и со всего маху шлёпнул Ван Цина по лбу.

— Вот это да! Осмелел говорить такое в присутствии меня и твоего учителя! Неблагодарный мальчишка, мы тебя учим, а ты ещё и недоволен!

Ван Цин тут же понял, что сболтнул лишнее, и, подобно маленькому перепелу, вжал голову в плечи.

Все вокруг рассмеялись.

В душе Ван Цин обозвал их всех злыми.

Шэнь Цзинцин тоже улыбнулся.

— Если ты действительно хочешь учиться, приходи в дни отдыха от занятий. — Мягко добавил он — Я и тебя научу.

Лицо Ван Цина вспыхнуло. «У-у, братец Цин всё-таки самый хороший».

Староста и дядюшка Чжан продолжили распитие вина. Линь А-шу под столом тайком дёрнул дядюшку Чжана за рукав, его взгляд был полон укоризны: он давал понять, что хватит пить, иначе потом придётся плохо.

Поговорив ещё немного и взглянув на небо, гости увидели, что ночь уже опустилась на землю. Пора было расходиться.

На столе осталось много еды, особенно свиных рёбрышек. Но выбрасывать продукты не пришлось. Муж госпожи Шэнь (Шэнь Эр-нян) ещё не вернулся с работы в городе, так что она взяла часть еды ему на ужин. Шэнь Цзинцин также предложил Линь Юю взять немного рёбрышек, чтобы тот угостил своего приёмного отца.

У Линь А-шу и дядюшки Чжана не было детей, жили они вдвоём и много есть не могли, поэтому они решили уйти с пустыми руками. А вот у старосты была большая семья, поэтому все остатки отдали ему.

Когда стол был очищен с быстротой урагана, гости начали собираться домой.

Староста собрался уходить. Шэнь Цзиньхуа, даже будучи пьяным, вышел провожать его. К счастью, староста и дядюшка Чжан были пьяны не меньше. Трое мужчин, заплетая языками, стояли у ворот и беседовали, совершенно не замечая своей нетрезвости. Линь Юй стоял рядом, держа свёртки с едой, и кивал в такт разговору; по его виду было невозможно определить, пьян он или нет.

В конце разговора староста потянул дядюшку Чжана домой. Тот сделал пару шагов вслед за ним, но вдруг остановился:

— Домой, домой... Э? Пойдите, а где моя жена?!

Дядюшка Чжан резко обернулся и бросился во двор. Линь А-шу всё ещё сидел за столом и о чём-то говорил с Шэнь Цзинцином.

Шэнь Цзинцин сначала лишь попробовал вино на вкус, но потом втянулся и продолжил пить. К этому моменту он уже был совершенно пьян.

Он слышал, как Линь А-шу что-то бормочет ему: «...брачная лихорадка... скоро... Линь... не относись легкомысленно...»

О чём он говорит? Ничего не понятно.

Шэнь Цзинцин не понял смысла слов, но послушно кивнул.

Линь А-шу, видя его согласные кивки, наконец успокоился.

Тем временем дядюшка Чжан продолжал тормозить его, требуя вернуться к жене. Линь А-шу поспешил увести мужа. Шэнь Цзинцин медленно плёлся следом, провожая гостей.

Братья Мяо-гэр и Ван Цин, цепляясь друг за друга, наконец увели старосту домой. Шэнь Цзиньхуа ещё немного поболтал с оживлённой госпожой Шэнь, после чего та вместе с Мяо-гэром и старшим Лю вернулась к себе в соседний дом.

Остался только Линь Юй, который всё это время стоял неподалёку, неподвижный, как деревянный столб.

С ним будет проще всего.

Шэнь Цзиньхуа расслабился, присел на корточки перед колонной муравьев и громко объявил:

— Брат Линь! Я знаю, что ты честный и прямой человек. Помнишь, что я говорил тебе, когда приходил в твой дом? Пока меня нет дома, пожалуйста, присматривай за моим младшим братом. Я... я обязательно отплачу тебе! У тебя такой суровый вид, что другие наверняка тебя боятся. А значит, никто не посмеет обижать моего младшего брата! Хе-хе.

Линь Юй, стоявший рядом, наконец шевельнулся:

— А... а, присматривать... я понял...

Затем он бессмысленным взглядом уставился на полуоткрытую дверь рядом с Шэнь Цзинцином и пробормотал:

— Впредь... не кидайся камнями без причины. Если попадешь в меня... мне не больно. А если попадешь в себя... ты... ты опять будешь плакать.

Шэнь Цзинцин смотрел на странное поведение этих двоих и рассмеялся:

— Ха... вы... вы оба дурачки, ха-ха...

Делая шаг через порог, он запнулся левой ногой за правую и едва не упал.

Линь Юй поддержал его. Шэнь Цзинцин так сильно дёрнул его за рукав, что тот чуть не оторвался.

— Зачем ты специально преграждаешь мне дорогу? — Недовольно пробурчал он. — Иди... иди ты! Где твой дом? Возвращайся... возвращайся к себе!

Шэнь Цзиньхуа, услышав голос младшего брата, даже не разобравшись в обстановке, резко вскочил на ноги:

— Да-да, верно. Уходи. Мой брат всегда прав. Уходи.

— Ухожу... ухожу. Я пойду домой. — Кивнув, пробормотал Линь Юй.

Он сделал пару шагов, но вдруг остановился и посмотрел на Шэнь Цзинцина:

— Почему ты не идёшь со мной домой?

Шэнь Цзинцин не понял, о чём тот говорит. Зато Шэнь Цзиньхуа услышал и мгновенно рассвирепел. Он изо всех сил толкнул Линь Юя, но тот даже не шелохнулся.

— С какой стати ему идти с тобой домой! Это мой младший брат! Зачем моему брату идти к тебе?! Уходи! Живо уходи!

Линь Юй растерялся от такой вспышки гнева:

— Но... разве ты не просил меня присматривать за ним?

— Кто просил? Кто вообще такое говорил?! — Оскалился Шэнь Цзиньхуа, злобно глядя на него.

<http://bllate.org/book/17180/1614613>